

13. *Абумов Ю.* Заботы и надежды мая // Хакасия. 2014. № 89 (22696). С.5.
14. *Абумов Ю.* Три бубновых туза // Хакасия. 2014. № 142 (22749). С.21
15. *Абумов Ю.* Голодные игры // Хакасия. 2014. № 89 (22696). С.21.

ТВОРЧЕСКИЕ ФОРМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ПЕРИОДИЧЕСКОМ ИЗДАНИИ (на примере журнала «Нана»)

Е.К. Рева

Пензенский государственный университет, доцент

E-mail: ekaterina.re@rambler.ru

Аннотация: цель настоящей статьи – показать особенности репрезентации этнокультуры в национальной периодической печати. На материалах публикаций чеченского журнала «Нана» демонстрируются творческие приемы, посредством которых реализуется национальное самовыражение анализируемого издания.

Ключевые слова: журналистика, национальная периодическая печать, репрезентация, этнокультура, самоидентификация.

Summary: in this article the aim is to show features of the representation of ethnic culture in national periodicals. On materials of publications Chechen magazine “Nana” demonstrates creative techniques by which implemented national expression of the analyzed publications.

Keywords: journalism, national periodicals, representation, ethnic culture, self-identity.

Основные сведения об этнических общностях современный человек получает, прежде всего, из средств массовой информации. Система журналистики, природным свойством которой является информационно-коммуникативная функция, оказывает на реципиента, воспринимающего информацию, определенное воздействие, которое нередко формирует в его сознании «портрет» нации. Зачастую этот «портрет» не является полноценным в силу следующих основных факторов:

- контекста представления сведений об этносе (конфликты, войны, политическая ситуация); в этом случае формируется образ врага, что само по себе несет негативно окрашенную смысловую нагрузку и вызывает неприятие к другому народу;

- уже имеющейся у массовой аудитории информации, которая сформировала в сознании человека (социума) определенные представления, отношение к той или иной этнической общности (характерным примером может служить освещение

СМИ событий Чеченской войны и изображаемый образ чеченского народа, стереотипы в отношении которого сильно проявляются и в настоящее время);

- идеологической позиции журналиста, затрагивающего в своих публикациях национальный вопрос (автор материалов не всегда обладает чувством толерантности, что ведет к необъективности в подаче информации и чревато разжиганием межнациональной розни);

- отсутствием у журналиста достаточных знаний о культурных, религиозных ценностях того народа, который становится объектом его журналистских материалов.

Получение информации об этнокультуре возможно и через национальную периодическую печать. Журналисты, представители конкретного этноса, предлагают читателю информацию о национальных культурных ценностях, нормах поведения своего народа, получаемых ими из основного источника – того общества, в котором они воспитывались и живут. Поэтому значение национальной прессы в инокультурном информационном пространстве нельзя недооценивать. Функционируя в полиэтническом государстве, национальная периодика выполняет роль не только средства коммуникации, но и способствует, говоря словами Е.В. Ахмадулина, «приспособлению членов аудитории к социализации – усвоению социально-культурного опыта, навыков, знаний, норм ценностей, традиций, накапливаемых и передаваемых от поколения к поколению – в данном конкретном обществе, в системе его общественных отношений» [1, С.217]. Утверждение исследователя относится к функции социальной адаптации, которую выполняет журналистика. Однако ее может реализовывать национальная периодическая печать как один из сегментов информационной среды Российской Федерации. Поэтому в настоящей статье мы обращаемся к анализу публикаций чеченского женского литературно-художественного, социально культурологического журнала «Нана», издающегося с 2003 г. Национальная специфика проникает в каждый материал этого издания: будь то статья, интервью, очерк или стихотворение. Надо отметить, что жанровый диапазон представленных на страницах журнала «Нана» публикаций весьма широк: от журналистики и публицистики до малых художественных форм. И в каждом из них реализуется информационная стратегия, направленная на сохранение нравственно-этического облика этноса, отражение национальных культурных ценностей чеченского народа. Репрезентируя духовные основы жизни этноса, журнал тем самым преследует цель диалога наций и культур.

Нами проведен системный анализ моно- и политематических номеров журнала «Нана». Здесь остановимся на последнем. Композиционный прием, используемый М. Дадуевым в статье-рецензии «Читая Дикалу... (или размышления об этнической идентичности вайнахов)», особым образом выявляет этнокультурные компоненты. С первых строк автор публикации вводит читателя в мир рецензируемой им книги Д. Музакаева «Вайнах – жизнь моя»: «И вот уже издавека будто доносятся чарующие звуки гармошки, все возрастающая дробь задорной лезгинки и силуэты танцующих людей. ... Драма личной жизни героев книги нередко тесно переплетается с драмой всего коллектива. Несмотря на это, становится приятно и радостно на сердце от воспоминаний о далеких годах

юности, когда жили и творили наши славные земляки, о которых повествует Дикалу» [2, С.11]. Такой подход позволяет рецензенту не только дать оценку книге, но и высказать свое мнение по актуальному национальному вопросу, навеянному прочтением книги Д. Музакаева. В этом состоит реализация второй части названия статьи – «размышления об этнической идентичности вайнахов». Так, выражая свое отношение к межнациональным и межконфессиональным конфликтам, М. Дадуев говорит, что национальный вопрос является «главным козырем» в кругах радикально настроенных масс, стремящихся, как он пишет, даже бытовую ссору квалифицировать как межэтническое столкновение. В этом отношении примечательны слова автора публикации, заключающие в себе некоторые элементы национального характера: «Чеченцы, в силу особенностей своей ментальности, в которой преобладают политическая наивность и природная доверчивость, часто оказываются втянутыми в “чужие разборки”, где их этническое название (а чаще – обывательское “чечены”) использовалось умелыми провокаторами кукловодами в качестве пугала для противоборствующей стороны. И все это – с целью накалить обстановку, перевести на них “стрелки”, придать конфликту этнический окрас» [2, С.11]. Вместе с тем, автор материала утверждает ценностные основы, являющиеся залогом толерантности: «Межнациональная вражда, как правило, является следствием попрания элементарных норм человеческого общежития, а в целом – приводит к действиям, несовместимым с фундаментальными ценностями любой мировой религии. Уважая свои традиции, нельзя игнорировать традиции других – ведь это совершенно ясный и понятный постулат и в православии, и в Исламе» [2, С.11]. Как лозунг, призывающий к миролюбию, звучат слова М. Дадуева: «...страна у нас одна – Россия, а вместе мы – россияне» [2, С.11]. С опорой на уникальность национальной культуры автор статьи выводит идею взаимодействия между народами, основанную не на ассимиляции, а на сохранении каждым этносом в поликультурном обществе своей самобытной национальной идентичности: обычаев, языка, религии, культуры, что позволит, следуем за М. Дадуевым в его размышлениях, создать твердую основу для «формирования общероссийской идентичности на принципах гуманизма» [2, С.11].

Специфика воплощения первой части названия статьи заключается в рефрене, используемом М. Дадуевым. Заканчивая первую часть, он возвращается к рецензированию книги Д. Музакаева, каждая тематическая линия которого начинается словами названия публикации – «Читая Дикалу». Надо отметить, что выбранное рецензентом композиционное построение статьи позволяет ему и в этой части, размышляя, акцентировать узловые проблемы, связанные с чеченским народом. Но здесь с очевидной опорой на книгу, что также способствует высвечиванию национально-культурных сторон жизни чеченцев. Например, М. Дадуев мастерски совершает переход от рассмотрения фрагмента книги, где говорится о блистательном составе ансамбля «Вайнах», к теме национального единства: «К сожалению, многих из его звездного состава сегодня нет среди нас. Время и война не требуют на то нашего согласия – и это грустно... Давайте же любить и беречь друг друга, ведь нас, чеченцев, так ничтожно мало: миллион с небольшим... во всей Вселенной» [2, С.14]. Мысль автора

продолжается словами о том, чтобы народ не был разделен такими социальными и религиозными институтами, как нация, тукхум, тайп, гара, некъе, вирд, аул, ущелье, говор. Сплав тем М. Дадуев неизменно сопровождает выявлением национальной сущности чеченского народа. В завершении своей статьи в контексте трагических событий 1990-х гг., М. Дадуев провозглашает силу национальной культуры: «...пока в горах звучит пондар и танцуют лезгинку – народ не сломлен», «И многие другие шедевры народного духа – авторские и созданные народом песни, зикры, назмаш, илли, сказания... В них всегда лейтмотивом звучат идеи куначества, мира и согласия со всеми народами-соседями. Сквозь толщу лет сохранились в каждом их слове и звуке непомерная мощь общечеловеческого гуманизма и энергетика чувств: страсти, гордости и воли» [2, С.15].

Эти неотъемлемые черты национального характера отражаются и в статье Ф. Абдурзаковой «Рыцари кавказских гор», посвященной международному театральному фестивалю «Комплимент» и участию в нем Государственного русского драматического театра им. М.Ю. Лермонтова из Чеченской Республики. Анализируя данную публикацию, мы выявили несколько способов национально-творческого самовыражения. К первому из них относится прием цитации. Автор статьи приводит приветственные слова выпускающего редактора журнала «Южный театральный вестник» А. Пряжникова, открывающего спектакль. В своей речи он отмечает: «Юг Кавказа – это, прежде всего, Кавказ – один из самых красивых районов нашей земли, населенный многочисленными народами». Обращение к зрителям продолжается словами, отражающими уникальность Кавказа, которая состоит в том, что «каждый народ, здесь проживающий, имеет свой язык, свою неповторимую культуру, свою историю и традиции...» [3, С. 34-35]. Этот прием наполняют строки из романа И.М. Базоркина «Из тьмы веков»: «Снежные вершины, / Громады скал, / От сотворенья мира, / В хаосе поднявшиеся к небу, / Дремучие леса, Кипящие потоки шумных рек / И гордый человек, / Готовый умереть за дружбу, честь и свободу, – / Все это с незапамятных времен / Наречено в поэзии народа / Страной былин и именем Кавказ» ...» [3, С.35], а также фрагментом из поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник»: «Поникли снежной головой, / Смирись, Кавказ: идет Ермолов! // И смолкнул ярый крик войны. / Все русскому мечу подвластно. / Кавказа гордые сыны, // Сражались, гибли вы ужасно...» ...» [3, С.38]. Именно этой теме, подчинению генералом Ермоловым Кавказа, посвящен спектакль в рамках ранее упомянутого фестиваля, о котором подробно пишет Ф. Абдурзакова. Выбранная логика построения публикации способствует национально-творческому выражению посредством описательного компонента и воспроизведению сюжетной линии спектакля. Говоря о декорациях, автор акцентирует изобразительную идею, заложенную в них и заключающую, как она пишет, противопоставление двух идеологий и мироощущений: «...справа боевые башни, которые переносят зрителя в историческое прошлое чеченского народа, а слева декорации с изображением купола российского дворца. ... На втором плане сцены, справа, возвышается классическая боевая башня – символ стойкости и непокорности, а слева ... орел как некий символ Кавказа, символ мужества, вольности» [3, С.35].

Следование за сюжетом постановки, обращение к системе образов также помогает автору статьи в репрезентации национальных основ. Например, в образе Бей-Булата воплощены «все лучшее, что свойственно чеченскому народу – гордость, мужество, благородство и готовность отдать жизнь во имя свободы» [3, С.38]. Ф. Абдурзакова подчеркивает символичность сюжетного построения спектакля, которая состоит в противопоставлении переплетений многовековой борьбы чеченского народа и короткого периода жизни М.Ю. Лермонтова. Одним из ключевых моментов театрального представления является, как отмечает автор, встреча Ермолова и Бей-Булата, за голову которого генерал назначил награду в триста червонцев. Чеченец покоряет военачальника самоотверженными словами: «Вот вам голова Бей-Булата. Она всегда была готова стать жертвой для спокойствия моего народа!» [3, С.39]. Пораженный генерал отвечает на это: «Таким и должен быть Рыцарь Кавказских гор, Бей-Булат...». И спрашивает чеченского героя: «В чем просчет России и лично мой по отношению к кавказским народам?». На это получает ответ, являющийся своеобразной развязкой сюжетной линии и вместе с тем выражающий национально-сущностные основы чеченцев: «Наш суд – неумолимое время, которое рано или поздно расставит все на свои места. Сильный и гордый народ, каким бы малым он ни был по численности, победить нельзя. Я не хочу сказать, что мой народ лучше или хуже других народов, но у нас другая религия, другие нравы и обычаи, другое воспитание и отношение к жизни и смерти!.. И тот, кто не хочет этого понять, сеет вражду, ненависть и непонимание среди народов!» [3, С.38]. Примечательная параллель, проводимая в заключение спектакля: Бей-Булат Таймиев и Ахматом-Хаджи Кадыровым, олицетворяющем, как пишет автор, новый символ свободы Чечни.

Мотив роли личности в истории обнаруживает себя и в публикации М. Шамурзаевой «“Американский дневник” чеченского делегата программы “Открытый мир”», где есть упоминание о значении Р.А. Кадырова в возрождении республики. В соответствии с жанром повествование ведется от первого лица представительницей Чеченской Республики, посетившей с официальным визитом Соединенные Штаты Америки. Содержательно насыщенный материал, преимущественно концентрирующийся на впечатлениях от увиденного в Вашингтоне, содержит в себе и элементы национальной чеченской культуры. Структурное обрамление публикации мы считаем возможным квалифицировать как кольцевую композицию, так как начало и завершение материала идейно-тематически созвучны. В подводке автор акцентирует принцип толерантного взаимодействия между народами, важность межнационального диалога: «В большинстве своем люди, в какой бы стране или республике, штате они ни жили, позитивны. Они всегда интересны традициями культуры и морали, которые хранятся и передаются из поколения в поколение. А если случаются войны, то это не вина, а беда народов. С наступлением мира важно, чтобы людей не продолжали считать врагами» [4, С.6]. Заканчивается рассказ о поездке в Америку наглядным примером дружбы народов и идеей миролюбия. Причем этот эпизод фокусируется на проявлении национально-культурных основ. Автор пишет: «У американцев принято при встрече здороваться за руку. Мы же по привычке

принялись обнимать их. Это их очень удивило. Я объяснила им, что чеченское приветствие связано с древним обычаем гостеприимства, которому чеченцы следуют всегда и проявляют его к любому доброму человеку, независимо от его национальной принадлежности. Здороваясь, мы раскрываем объятия, то есть открываем сердце, выражая так чистоту помыслов и искренность в отношении к человеку. В дальнейшем наши американские друзья при встрече с нами раскрывали свои объятия, открывая свое сердце в ответ» [4, С.11]. Отметим особенность композиционного включения этого эпизода: о приветствии говорится в конце публикации. Но тематически, как мы сказали выше, в этом приеме есть определенного рода соотнесение с началом материала. Однако в таком авторском приеме проявляет себя национальное сознание: в повествовательной структуре с доминированием колорита американского города ставится точка отражением национально-культурной самобытности чеченского народа.

Синтез редакторской и журналистской позиций в национальном самовыражении представлен такими публикациями журнала «Нана», которые являются ответом на ранее изданные статьи. Для анализа мы взяли материалы Л. Куни «Время собирать камни» и «Летят утки...» (оба опубликованы в одном номере (№ 12, 2009 г.)).

Статья «Время собирать камни» представляет собой обстоятельный ответ на высказывания правнучки имама Шамиля Назмы Ханафи Мухаммед в интервью М. Юсину, опубликованном в 2003 г. в газете «Известия». К отклику на эту публикацию, которая предваряет последующий материал, главного редактора журнала «Нана» побудили два ответа героини интервью. Один из них начинается словами: «Что такое Чечня? Крошечная, бедная республика», что Л. Куни в своей статье полемически комментирует ссылаясь на авторитетные историко-географические источники, доказывающими природные богатства Чечни. А заканчивается репликой («Еще во времена моего прадеда в Чечне было немало разбойников, от которых стонал весь Кавказ. Шамиль очень не любил этих людей»), провоцирующей М. Юсина на уточнение: «Но ведь чеченцы были союзниками в войне с Россией...». На это респондент озвучивает свою точку зрения: «Очень ненадежными они были союзниками. Моя мать рассказывала, что Шамиль часто жаловался на чеченцев. В решающие моменты они ему не помогали. А нередко даже воровали лошадей из его армии. И это в самый разгар войны». На данное суждение автор статьи «Время собирать камни» реагирует столь же детально, с подчеркнутой иронией. Кроме того, ответ Л. Куни на эту часть интервью насыщен этнокультурными элементами. В их числе отражение менталитета нации через традиции («В августе 1839 г., после падения Ахульго, с семьей и семью соратниками Шамиль бежал в Чечню, от начала времен славящуюся своими воинами и своим гостеприимством»; со ссылкой на сборник сведений «Кавказские горцы» 1870 г. автор приводит следующий аргумент в опровержение слов Н.Х. Мухаммед: «По понятиям горцев, гость – священное лицо для них, украсть что-либо у гостя – значит кровно обидеть хозяина, у которого он остановился. Этот хозяин также считает стыдом для себя позволить арестовать или вообще обидеть ступившего за порог его сакли человека» [5, С.21]). Для Л. Куни важно ввести читателя во времена правления Шамиля, от-

разить попрание национальных устоев чеченцев и тем самым указать оппоненту на ложность ее высказываний: «Не было в истории чеченского народа более тягостных лет, чем владычество Шамиля. ... (имамату требовались воины... и много воинов!) любой чеченец или чеченка, достигшие 15-летнего возраста, обязаны были вступить в брак для продолжения рода будущих рекрутов. (Вопреки традициям чеченцев, по которым молодые люди – и девушки, и юноши – считались готовыми к браку, совершеннолетними, лишь по достижении 21 года)», «Жизнь человеческая, честь и достоинство чеченской женщины – все, чем веками гордились нохчи, были низведены до животного уровня или, в лучшем случае, до уровня простого воспроизводства... (Вспомните недавние шабаши так называемых «ваххабитов», когда женщина-чеченка была низведена до уровня самки, наложницы, чего угодно, когда в ней видели кого угодно, но только не Мать)», «Нам Ваш сиятельный пращур уготовил интересную будущность: из нации, великой своими морально-этическими канонами, мы должны были превратиться в скотское быдло – без прошлого, а, следовательно, и без будущего» [5, С.22]. Ментальные черты выражены и через уничтожение Шамилем связи поколений («Война и лишения скосили мужчин-нохчи, оставили лишь юнцов-воинов в возрасте до 30 лет, годных для битв. Этнос лишили старцев. Следовательно, лишили памяти. Лишили мудрости. Лишили всего. Был разорвана – продуманно с хладнокровным цинизмом – «связь времен»...» [5, С.23]), и через особенности национального этикета («Чеченцы в спину не стреляют... И не оскверняют могил (даже предателей)» [5, С.23]). В своем эмоциональном ответе Н.Х. Мухаммед Л. Куни прибегает и к выразительной силе поговорок, одну из которых органично вплетает в повествование, доказывая намеренное навязывание ложных стереотипов в отношении чеченцев, выгодных тем, кто, как пишет автор, «собирался прибрать к рукам этот благословенный край» [5, С.19]. Старинная чеченская поговорка («Голодная медведица, собравшись съесть медвежонка, вывалила его в пыли»; «...не мой и страшненький», – следует пояснение сути народного изречения) приводится в контексте многовекового несправедливого отношения к народу, которое автор сводит к формуле «Ух, какие страшные! Смотри-ка, еще и кусаются» и тут же замечает: «Мышь, если загнать ее в угол, тоже кусается...» [5, С.19].

Отстаиванию истинных национальных качеств чеченского народа посвящена ответная публикация главного редактора «Наны» на статью дагестанского журналиста Р. Эльмурзаевой «За что боролись...», напечатанной в газете «Новое дело» (2005 г.). Материал имеет общее название «Летят утки...» и объединяет цитату из статьи Р. Эльмурзаевой с ответной реакцией на нее Л. Куни, вызванной сугубо негативными характеристиками в адрес чеченцев («Что станет с Дагестаном, когда у наших буйных соседей появится куча денег и апломб победителей? Когда они ринутся скупать здесь все подряд, всю нашу движимость и недвижимость? Когда в каждом доме, на каждом этаже появится по “чеченской квартире”, в школах, вузах, в больницах, в кино, в ресторанах, куда ни кинь взгляд – везде будут ОНИ? ... В стране, в которой так долго создавался образ врага, вдруг все перевернулось. Того, кого на протяжении долгих лет называли “зверем-людоедом”, собираются выпустить из клетки, заверив при

этом, что он обещал быть паинькой. Что это? Опыт над обществом» [6, С.25]]. Прежде всего, отметим образность языка, которым Л. Куни ведет диалог со своим оппонентом. Живая речь, наполненная сравнениями, метафорами, эпитетами, выражает собой эмоциональность, объясняемую отнюдь не личной обидой, а оскорблением всего чеченского народа: «Знаете, чем для меня лично отвратно племя гиен? Тем, что они нападают на беззащитную слепнущую от смертного марева, жертву, сладострастно разрывая еще трепещущую плоть, заведомо зная, что жертва не может защититься... Только мы не слепцы и не жертва, мадам. И отнюдь не мерлоки, от предстоящей встречи с которыми Вашу аристократическую (конечно же – в “дцатом” поколении) натуру бросает в дрожь. Мы – нация. Может быть (не спорим), не лучше, но и (уж позвольте!) не хуже прочих этносов. И прогибаться перед каждой дворовой моськой, возомнившей себя цивильным пупом Вселенной (“Чего изволите-с-с?”) нет ни охоты, ни времени...» [6, С.28]. Автор статьи продолжает, используя, отметим особо, те же языковые средства, подчеркивающие ироничное отношение к Р. Эльмурзаевой: «Вы, словно библейских времен Бен Товит, мающийся зубной болью и, в зубовных страданиях своих, лишь изредка посматривающий в окошко, где толпа сопровождает идущего на Голгофу Христа... Как бы и Вам не проморгать, маясь шкурным зудом, скорбные деяния мира человеческого, ответ за которые придется держать всем: и гиенам, и агнцам» [6, С.28]. Заметим, что основанием к такой уверенно ироничной тональности изложения являются объективные, с опорой на национальную культуру, факты, которыми апеллирует автор статьи. Она пишет: «Если Ваши этнические корни, как Вы утверждаете, в Дагестане – знали, ибо для всех кавказцев морально-этические каноны едины. И ни один истинный кавказец не усомнится ни в нашей порядочности, ни в нашей гуманности, ни в присущих нам лучших общечеловеческих качествах» [6, С.26]; «Вы, может, неосознанно (искренне надеюсь, что это так) оскорбляете своих братьев по крови, ибо чеченский этнос, как мало какой этнос в мире, состоит не только из “чистокровных” нохчи, но и из огромного числа “пришлых” (в том числе и из Дагестана), которые, тем не менее, сроднились с нохчи и переняли и наш язык, и нашу культуру» [6, С. 26-27]. Данное суждение подкрепляется отражением ментальных особенностей: «Пройдитесь по родовым селам Чечни: в каждом чеченском роду есть “пришлые” из Дагестана, Грузии, Кабарды (я не говорю о прочих регионах, отстоящих – на карте – гораздо дальше). И любую обиду, нанесенную нам – чеченцам, они воспринимают, как свою кровную... Ибо никто из приютивших их нохчи никогда не отделял их от чеченского древа, никто не считал их инородцами» [6, С.27]; «Мы умеем ценить братские узы. Умеем помнить Добро. Умеем благополучно – без последствий в памяти потомков – забывать случающиеся иногда моменты взаимного недопонимания. Умеем не держать зла. Нам это завещали наши отцы. И какие бы клинья – под маской доброхотов или пресловутых арбитров – ни пытались вбить между нашими народами сонмы наших недоброжелателей, мы сможем быть выше сиюминутного ради Вечности» [6, С.28].

В редакторском структурировании приведенных материалов, выстроенных на основе полемики, заложен творческий принцип репрезентации национально-

го сознания, а также позиции издания, которая акцентирует имеющиеся разногласия в обществе относительно Чеченской Республики; редактор не игнорирует обвинительные и оскорбительные высказывания, а публикует их, сопровождая основательной аргументацией, насыщенной в том числе и фактами национально-культурного характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмадулин Е.В.* Основы теории журналистики: учеб. пос. М.: ИКЦ МарТ; Ростов-н/Д: Изд. центр МарТ, 2008. 320 с.
2. *Дадуев М.* Читая Дикалу... (или размышления об этнической идентификации вайнахов) // Нана. 2010. № 11-12. С. 10-15.
3. *Абдурзакова Ф.* «Рыцари Кавказских гор» // Нана. 2007. № 10. С. 34-40.
4. *Шамурзаева М.* «Американский дневник» чеченского делегата программы «Открытый мир» // Нана. 2007. № 7. С. 6-11.
5. *Куни Л.* Время собирать камни // Нана. 2009. № 12. С. 16-24.
6. *Куни Л.* «Летят утки...» // Нана. 2009. № 12. С. 25-28.

ИНТЕРВЬЮ КАК ОСОБЫЙ ИНТЕРАКТИВНЫЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР В СФЕРЕ ТАТАРСКОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Л.Р. Сабирова,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
старший преподаватель

E-mail: Lysabirova@yandex.ru

Аннотация: новые перспективы в исследовании жанра интервью на татарском языке открываются при рассмотрении его в качестве речевого жанра. Отсюда возможность описания интервью как коммуникативного события, «ограниченного в пространстве и времени, мотивированного, целостного, социально обусловленного речевого взаимодействия коммуникантов» [1, С.17]. Интервью рассматривается нами как особого рода коммуникативное событие, которому соответствует сложный речевой жанр.

Ключевые слова: интервью, речевой жанр, массовая коммуникация, информация, татарская пресса.

Summary: new perspectives in the study of the genre of the interview in the Tatar language open when considering it as a speech genre. Hence the possibility of describing the interview as a communicative event, “limited in time and space, motivated, holistic, socially conditioned verbal interaction communicants”. Interview is considered by us as a special kind of communicative event, which corresponds to a complex speech genre.

Keywords: interview, speech genre, mass communication, information, Tatar press.